

Кроме того, в сознании интеллигенции с лёгкой руки Никиты Сергеевича Хрущёва никогда не существовало массового террора. То, что в городах убивали разнорабочих, сторожей, интеллигентных людей старой формации — шестидесятников, — мало интересовало. Это были просто люди — без больших биографий, звонких имён, трогательных воспоминаний. Даже когда в 1990-х годах начали публиковать документы о массовых операциях по избиению крестьян, рабочих, маленьких служащих, когда выяснилось, что речь шла о сотнях тысяч загубленных людей в стране, то и это не очень кого-то встряхнуло. Кто-то не заметил, кто-то не поверил, кто-то отвернулся. И только РПЦ вспоминает своих мучеников независимо от сана. Только она.

Это один пласт проблемы. Есть и другой. Для переломных эпох характерно чувство ностальгии. Прошлое кажется сном, совсем не кошмарным — обволакивающим, уютным, тёплым. И в этом сне репрессивная политика кажется совсем не опасной, тем более не зловещей, а вполне оправданной, справедливой, достойной. Мы можем увидеть ностальгию по репрессиям. Более того, желание их повторить — опять же во имя справедливости и сохранения социального порядка. Наверное, не будет преувеличением сказать, что в нашей культуре складывается запрос на террор. Вернее, запросы. Рядовые граждане (дурное определение, не

тюрьму сажать за опоздания, а ещё лучше восстановить крепостное право и сечь непокорных на конюшне).

Взаимное недоверие между людьми, неумение понять другого трансформируется в жажду репрессий сегодняшних и в оправдание репрессий вчерашних. В образе террора проглядывают черты идиллические. Ах, как было хорошо! Всех плохих людей наказывали, поэтому их было мало, благодаря этому мы всех победили и построили великую экономику. Идея о том, что большие задачи требуют большой крови, давно вошла в наше коллективное сознание.

1937 ГОД СТАНОВИТСЯ СИМВОЛОМ МНОГОЗНАЧНЫМ

? Складывается ведь парадоксальная ситуация. У народа есть запрос на то, чтобы кто-то покарал начальников, и начальники демонстрируют готовность этот запрос удовлетворять. Они разве не осознают, что в конечном итоге насилие будет направлено против них самих?

— Нет больших культурных различий между политическим классом и капитанами экономики с одной стороны и офисным людом с другой. Общие представления, схожие ценности, те же самые иллюзии. И страха нет. Для них террор XX века — это древняя история.

НЕ БУДЕТ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕМ СКАЗАТЬ, ЧТО В НАШЕЙ КУЛЬТУРЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ ЗАПРОС НА ТЕРРОР. ВЕРНЕЕ, ЗАПРОСЫ

знаю, чем заменить) говорят о том, что неплохо было бы покарать зарвавшихся начальников и надменных богачей. И пусть это сделает сильная и хорошая верховная власть, накажет местное начальство, которое без конца присыпает «платёжки» за квартиру с новыми, более высокими тарифами. С другой стороны, начальники грустят, что подчинённые совсем распустились: «Наташа и та вовремя на работу не приходит! Вот бы запретить им всем увольняться по собственной воле, разрешить в

настолько же древняя, как история Древней Греции и Древнего Рима. То ли было, то ли не было, то ли хорошо, то ли плохо. Позиция такая: я про это ничего не знаю, значит, этого не происходило. Сегодняшний начальник самого разного калибра зачастую чудовищно необразован. Он может быть удачливым менеджером, прекрасно ориентироваться в социальных связях, быть вполне достойным человеком, но при этом жить в мире исторических фантазий, социологически не мыслить и верить в чудо.

Вследствие необразованности инстинкт самосохранения у нынешних начальников сведён к нулю. Верховная власть в последнее время постоянно им говорит: «Никакие ханские ярлыки на неприкосновенность мы уже не раздаём. Ты губернатор, утверждённый лично президентом? Ничего, в «Матросской тишине» к тебе будут относиться вежливо. Ты тоже губернатор, утверждённый другим президентом? Ничего, все следственные операции по отношению к тебе будут проводиться строго в рамках закона. Ты министр регионального правительства или даже федерального, но твоя должность не даёт тебе защиты от задержания, ареста (пусть домашнего) и суда».

Верховная власть подаёт сигналы один за другим; начальство поменьше разводит руками: «Да-да-да, карать положено, но нас это не коснётся, мы же верные и лояльные». В общем, иногда история повторяется, правда, в виде не фарса, а всё той же нескончаемой драмы.

Одобряя запрос публики на репрессии, часть начальства проявляет активность в том, чтобы самим стать той самой крепкой рукой, которая нам так необходима.

? Возникает ощущение какого-то непроходящего дежавю. Как внедрить технологию разграничения прошлого и настоящего, отделить в коллективном сознании то, что было, от того, что есть?

— В нашей культуре очень сложно обстоит дело со временем. Советское общество долгие годы жило завтрашим днём. Сегодня всё-таки лучше, чем вчера: сътнее, комфортнее. Хотя и трудно, и муторно, и торговши зажрались... Впереди маячит какой-то свет в туннеле. У людей было ощущение, что будет то же самое, но лучше. Такое состояние и называется историческим оптимизмом. Оно поддерживалось не только пропагандой, но также системой высшего образования, наличием рабочих мест, требующих дипломов и дающих возможность социальной карьеры как минимум по двум направлениям — производственному и общественному, партийному. Перспективы были не для всего общества в целом, но для собственных детей существовали.